

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 4 (67)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (67)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-67-4-15>

УДК 316.347

Адаев В.Н. *, Машарипова А.Х.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: whitebird4@yandex.ru (Адаев В.Н.); esenewka@yandex.ru (Машарипова А.Х.)

ЭТНОГРАФИЯ СЕЛЬКУПОВ: ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТЫМСКИХ ОСТЯКОВ НА р. ВАХ В XVIII–XX вв.

На основе анализа опубликованных источников и архивных документов уточняются хронология и обстоятельства полной утраты ваховскими селькупам их этнической идентичности, определяются ее основные маркеры и поддерживающие факторы. Оспаривается популярная точка зрения, что представители Тымской инородческой волости на р. Вах уже с XVII или XVIII в. являлись в основном хантыйским населением. Поочередно рассмотрены три исторических этапа существования группы, для каждого из которых установлены ключевые события, определяющие судьбу этнической общности, и выявлены сведения, подтверждающие сохранение различных параметров ее идентичности. Установлено, что длительное сохранение идентичности ваховских селькупов (до 1930-х гг.) во многом базировалось на принадлежности к отдельной волости, обособленном проживании, поддержании контактов с соседними селькупам, стабильной численности и консолидированном состоянии группы, существенной специфике хозяйственного комплекса, сохранении исторической памяти и высоком социальном статусе представителей их элиты.

Ключевые слова: этнография Западной Сибири, этничность, северные селькупы, Тымская волость, ваховские ханты, тамги.

Ссылка на публикацию: Адаев В.Н., Машарипова А.Х. Этнография селькупов: об этнической идентичности тымских остяков на р. Вах в XVIII–XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 4. С. 199–212. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-67-4-15>

Введение

В числе народов Севера, имеющих отношение к территории современного Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, далеко не всегда упоминаются селькупы. Хотя их присутствие в бассейне р. Вах (нынешний Нижневартовский район ХМАО) является установленным фактом, однако оно надежно подтверждается общедоступными источниками лишь для периода XVIII — первой половины XIX в. Ряд авторитетных исследователей придерживались мнения, что уже в XIX в. или даже ранее эта локальная группа в существенной мере смешалась с проживавшими по той же реке хантами и утратила свою этническую идентичность. При этом версии специалистов о деталях указанного процесса заметно разнятся, и никто не занимался его изучением специально. Дополнительную сложность определения этнической принадлежности в отношении проживавших по р. Вах селькупов вызывает то, что на протяжении практически всего периода своего существования они именовались по-русски точно так же, как и жившие бок о бок с ними ханты, — остяками.

Главной задачей настоящей работы являются уточнение хронологии и обстоятельств полной утраты ваховскими селькупам их этнической идентичности, определение ее основных маркеров и поддерживающих факторов. Заметный акцент в исследовании делается на историческом контексте существования этнической группы — в этом ключе хорошо просматриваются истоки формирования общности ваховских селькупов и важнейшие события, определившие их дальнейшую судьбу. Здесь теоретическим ориентиром для нас стали работы современных ученых, рассматривавших различные аспекты этнической идентичности непосредственно в отношении коренного населения Западной Сибири: А.В. Головнева [2012], Е.П. Мартыновой [2020], Е.А. Пивневой [2011] и З.П. Соколовой [2012]. Исследование также опирается на разработки Ф. Барта, прежде всего — на его концепт культурной границы, играющей ключевую роль в поддержании идентично-

* Corresponding author.

сти у тесно контактирующих/соседствующих этнических общностей [Barth, 1969]. В статье обобщается и критически переосмысливается информация из предшествующих этнографических публикаций и дополняется сведениями из архивных документов XVIII–XX вв.

Рассматриваемая проблема

По устоявшейся научной версии, не позднее XVII в. часть селькупского населения, проживавшего до этого времени на Средней Оби в пределах Тымской и Караконской инородческих волостей, начала мигрировать в северном направлении, итогом чего стало формирование отдельной этнографической группы — тазовско-туруханских (северных) селькупов. При этом некоторые из переселенцев осели «на полпути» — в бассейне р. Вах, через которую пролегал один из основных маршрутов их миграции [Долгих, 1960, с. 79–84; Пелих, 1981, с. 8–32]. В своей недавней работе, опираясь на архивные документы и ряд опубликованных источников, мы обосновали, что не позднее середины XVIII в. процесс северной миграции через р. Вах у селькупов завершился, и в бассейне этой реки находились и официально числились в основном представители Тымской волости [Адаев, Машарипова, 2023, с. 92–95]. Поэтому именно в определении «тымские остяки» обозначены проживавшие на Вахе селькупы, находящиеся в центре внимания настоящей работы.

Наиболее ранней из работ историков с упоминанием о ваховских селькупах являются путевые записки Г.Ф. Миллера, относящиеся к его путешествию по Оби в 1740 г. Исследователю не довелось лично встретиться с представителями этой группы, но он собрал необходимые сведения через третьих лиц — вероятно, у ваховских хантов и русских сборщиков ясака. Он сообщает, что наряду с остяками (хантами) Лумпокольской волости на Вахе живут остяки Тымской волости, которые говорят на одном языке с нарымскими и тазовскими остяками (тем самым подтверждается их селькупское происхождение). Г.Ф. Миллер также уточнил, что эти тымские остяки расселены в верховьях реки — от притока Куль-еган (Кулынигол) до притока Кам-сес (Комсесеган) — за территорией проживания хантов, а выше их по течению уже никто не живет. Причем через Куль-еган пролегает зимняя дорога, связывающая ваховский бассейн с тазовским (место жительства тазовских селькупов), которой пользуются сборщики ясака [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 209–211]. Ученый приводит и используемые в отношении тымских остяков на Вахе этнонимы: сургутские ханты называют их *Kuruch-jach* 'орловые люди', сами же себя они именуют *Kub-jach*. По поводу первого термина добавлено пояснение, что он возник вследствие принятого среди тымцев особого почитания орлов [Северо-Западная Сибирь..., 2006, с. 303]. Что касается самоназвания *Kub-jach*, то в нем, очевидно, оказались соединены селькупское слово *куп* 'человек' и хантыйское *ях* 'народ', 'люди'.

Таким образом, Г.Ф. Миллер привел ряд важных фактов, связанных с этнической идентичностью селькупов р. Вах к середине XVIII в., а именно: сохранение ими своего языка, принадлежность к отдельной инородческой волости, обособленная территория проживания, идентификация их ваховскими хантами в качестве самостоятельной общности, наличие экзо- и эндо-этнонима. Как будет представлено далее, большинство этих параметров оставались актуальными в отношении тымских селькупов р. Вах на протяжении последующих 200 лет.

Отправной точкой для дальнейшего анализа являются позиции, высказанные относительно идентичности ваховских селькупов двумя известными исследователями-этнографами — З.П. Соколовой и Е.П. Мартыновой, которые широко привлекали в своей работе архивные материалы XVIII–XIX вв., связанные с учетом населения, — ревизские сказки и метрические книги.

З.П. Соколова указывала, что Тымская волость на Вахе принадлежала к числу административных единиц, имеющих отношение к ваховским хантам. По ее мнению, в конце XVIII в. становление этой территориальной угорской группы завершалось, а остававшиеся рядом селькупы еще в XVII в. «подверглись хантыйскому влиянию», и поэтому население по Ваху и его притоку Кульеган было «преимущественно хантыйское». Впрочем, З.П. Соколова допускала, что селькупско-хантыйские браки «в небольшой степени» в бассейне Ваха могли иметь место и в XIX в. Выделить же фамильный состав местного селькупского населения и определить его численность на основании доступных архивных данных даже для XVIII в. представлялось ей невозможным [Соколова, 1983, с. 71–81].

Е.П. Мартынова тоже пришла к выводу, что к концу XVIII в. в Тымской волости по рекам Вах и Кульеган проживало «преимущественно хантыйское население». Главным аргументом в пользу этого стала существенная ориентация брачных связей ваховских тымцев на хантыйские волости Лумпокольскую и Салтыкова — 38 и 6 % от общего числа браков соответственно (однако отметим,

Этнография селькупов: об этнической идентичности тымских остяков на р. Вах в XVIII–XX вв.

что при этом еще 44 % браков совершалось внутри волости и 9 % — с членами Караконской волости). Другим доводом в пользу предложенной версии косвенно послужило наличие у тымцев фамилий, общих для хантов и селькупов, а также нахождение Тымской волости в составе Сургутского уезда в XIX в., тогда как все прочие селькупские волости в этот период оказались за пределами не только уезда, но и Тобольской губернии [Мартынова, 1998, с. 175–176]. Исследователь более склоняется к гипотезе вытеснения селькупов на север, после того как ханты заняли территории Агана и Ваха, чем к сценарию угорской ассимиляции селькупов [Там же, с. 178–179].

Итак, по мнению З.П. Соколовой, с XVII–XVIII вв., а по Е.П. Мартыновой — с конца XVIII в. представители Тымской волости на Вахе являлись преимущественно хантыйским населением. Помимо уже упомянутых аргументов можно привести некоторые косвенные доводы, которые подкрепляют заявленные позиции. Во-первых, достоверно известно, что уже в середине XVIII в. количество хантов на Вахе значительно превосходило число тымцев, а в дальнейшем эта разница только усугублялась, и к XX в. соотношение достигло показателя 1:3 [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 8, дд. 44, 754, 994; КУ ГАЮ. Ф. И1, оп. 2, д. 6]. Во-вторых, к середине XX в. «коренное» население реки уже полностью идентифицировало себя как ханты, что было зафиксировано полевыми исследованиями З.П. Соколовой 1957 г. [2016, с. 70–191]. В-третьих, очевидных сведений о встречах с селькупами нет в работах целого ряда ранних исследователей, работавших на Вахе в 1890–1920-х гг.: А.И. Якобия [1895], К. Доннера [2008], А.А. Дунина-Горкавича [1995], Г.А. Старцева [1928] и М.Б. Шатилова [2000]. Особенно здесь показательны сведения К. Доннера, который владел языком селькупов, целенаправленно занимался изучением их культуры и во время своего зимнего перехода с Таза на Вах через р. Кулынигол в 1913 г. отметил там присутствие только хантов [2008, с. 104–107]. Как следствие, указанная точка зрения о давнем исчезновении селькупов на р. Вах стала популярной в сибирской этнографии. К ней, в частности, склонялся исследователь-селькуповед В.В. Лебедев [Лебедев, 1978, с. 72; Лебедев, Соколова, 1982, с. 125], прямые или косвенные указания с тем же посылом присутствуют в известных монографических трудах В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной [2006, с. 3–5, 96, 177], А.В. Головнева [1995, с. 64, 100, 117, 179] и др.

В то же время имеются весомые основания для альтернативной позиции по этноидентичности тымцев на Вахе относительно периода от XVIII в. до первых десятилетий XX в. Далее постараемся их изложить, представив необходимую информацию, разбитую на несколько хронологических отрезков. Наши первичные контраргументы следующие.

1. Фамильный состав ваховских селькупов достаточно хорошо выделяется из состава местного остяцкого населения с привлечением дополнительных архивных документов XVIII–XIX вв. Та или иная степень сходства некоторых фамилий тымцев на Вахе с хантыйскими не является прямым указанием на их принадлежность к хантам.

2. Активное смешение с ваховскими хантами и интенсивный рост численности последних сами по себе не предопределяли утрату тымцами селькупской идентичности. Наряду с этим важно учитывать, как со временем менялись социальные параметры группы (численность, фамильный состав, структура расселения и др.) и как долго сохранялись контакты с сородичами в соседних речных бассейнах.

3. Административное отделение ваховских селькупов от остальных сородичей, оказавшихся за пределами Тобольской губернии, не прервало сообщения между ними.

4. Имеется существенное количество источников, включая опубликованные, прямо и косвенно подтверждающих сохранение этнической идентичности ваховских селькупов вплоть до первых десятилетий XX в.

5. Популярная точка зрения о полном поглощении селькупов р. Вах соседними хантами уже в XVII–XVIII в. во многом обусловлена большим научным авторитетом З.П. Соколовой. Она побывала в бассейне этой реки в 1957 г. в качестве начинающего полевого исследователя, причем в работе априори опиралась на информацию, что селькупы жили в верховьях Ваха «*несколько столетий назад*» [2016, с. 77]. Зафиксировав там довольно однородную группу хантыйского населения, исследователь, очевидно, еще более утвердилась в данном мнении, что и могло в дальнейшем серьезно повлиять на ее более позднюю концептуальную трактовку этнической ситуации в бассейне реки в XVII–XVIII вв., представленную в рамках масштабного изучения социальной структуры обских угров.

Искомые ключевыми пунктами, важными для сохранения этноидентичности у небольшой группы, оказавшейся в иноэтничном окружении, в нашем случае могут являться: а) наличие оп-

ределенных культурных барьеров/различий с соседями; б) стабильность или рост численности, сохранение консолидированного состояния группы; в) поддержание связей с сородичами за пределами территории проживания. Однако в конечном счете важно найти непосредственные свидетельства, выделяющие группу из окружающего населения в качестве особого/другого народа. Такие подтверждения в отношении ваховских селькупов неоднократно встречаются в источниках второй половины XIX — первых десятилетий XX в. В более ранний период подобные сведения за редким исключением отсутствуют, но, зная итоговый результат, мы можем реконструировать, какие факторы поддерживали этническую идентичность, а какие способствовали ее утрате.

1740–1800-е гг. Хронологические рамки выделяемого периода: от первых известий о стабильном проживании группы тымских остяков в бассейне р. Вах до окончания этапа, когда селькупские территории по рекам Тым, Вах и Таз принадлежали к одной административной единице — Сибирской губернии, Тобольской провинции, Тобольскому наместничеству или Тобольской губернии. Ареалы Ваха и Таза в этот период к тому же находились в пределах одного, Сургутского уезда. Местные инородческие волости в силу своей нестабильности долгое время были привязаны в большей мере не к административно-территориальным единицам, а к конкретным группам ясачного населения, которые могли периодически мигрировать или разделяться на более мелкие коллективы. Результатом таких процессов и стала картина, сложившаяся в первой половине XVIII в., когда три административные единицы с названием «Тымская инородческая волость» одновременно числились в разных речных бассейнах — на Тyme, Вахе и Тазу.

В свое время А.И. Пика отмечал [1992, с. 34], что созданные русской администрацией в Западной Сибири инородческие волости включали в себя исторически сложившиеся самостоятельные группы населения, характеризующиеся общностью происхождения. По сути, такая волость не только обычно соответствовала первичной ячейке этнической структуры (этнической микрообщности), но и в дальнейшем могла стать эффективным инструментом сохранения этнокультурной идентичности группы (см.: [Корусенко, Марганова, 2016]). Как будет представлено далее, первичная волостная принадлежность ваховских селькупов оказалась одной из их самых устойчивых характеристик.

Помимо особого названия для каждой волости было характерно наличие выборного лидера и тамги (символического знака-подписи). Волостной лидер (князец, старшина, «лучший человек») был ответственен за исправную выплату ясака со стороны своих подопечных и мог вершить над ними суд в соответствии с нормами обычного права. Первым известным главой Тымской волости на Вахе, согласно ревизской сказке 1782 г., являлся «лутчей человек» Никита Кунин 35 лет [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И154, оп. 8, д. 44, л. 267]. В дальнейшем властные полномочия у ваховских селькупов сохранялись в руках рода Куниных, что свидетельствует в пользу стабильного состояния группы.

Рис. 1. Тамга представителей Тымской волости с изображением соболя, 1655 г. [РГАДА. Ф. 214, стб. 501, л. 84 об.].

Fig. 1. Tamga of representatives of Tymskaya volost with the image of a sable, 1655 [Russian State Archive of Ancient Acts. Coll. 214, fol. 501, p. 84 reverse side].

Первое изображение тамги представителей Тымской волости (правда, с неясной локальной привязкой) отмечено на документе 1655 г. (рис. 1), где *лучший человек* Тырла Маров «за себя и товарищей своих вместо знаме[ни] приложил соболя» [РГАДА. Ф. 214, стб. 501, л. 84 об.]. Тот же образ мы встречаем в качестве подписи ясачных инородцев на нескольких документах XVIII в., уже доподлинно относящихся к Тымской волости на Вахе, — в 1753 и 1781 гг. [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156, оп. 1, д. 1413, л. 16 об.; оп. 3, д. 2346, л. 2а]. Таким образом, оригинальная тамга с соболем была для тымцев не просто зримым символом волостной принадлежности, но символом, имеющим более чем вековую историческую преемственность.

Тот факт, что в документации ясачного и церковного учета XVIII–XIX в. сведения о культурных особенностях ваховских тымцев почти не встречаются и они фигурируют вместе с хантами под одним термином «остяки», является прямым следствием существенной близости культуры

Этнография селькупов: об этнической идентичности тымских остяков на р. Вах в XVIII–XX вв.

и образа жизни хантов и селькупов (типичная ситуация и для Нарымского Приобья). Имевшиеся различия с позиции внешнего наблюдателя — будь то чиновник, сборщик ясака, торговец или священник — казались не особенно заметными и малосущественными. В связи с этим З.П. Соколова справедливо подчеркивала, что одним из главных критериев в различии соседствующих хантов и селькупов становился язык [2012, с. 24].

Именно благодаря вниманию Г.Ф. Миллера к языковым особенностям сибирского населения мы можем относительно 1740 г. уверенно видеть в представителях Тымской волости на Вахе селькупов. Особая волостная принадлежность, с одной стороны, отделяла ваховских селькупов от соседей-хантов, относившихся к Лумпокольской (Ларьяцкой) и Салтыковой волостям, с другой — указывала на их прямую связь, родство с селькупскими жителями рек Тым и Таз (немаловажно, что на последней реке помимо Тымской имелась и другая селькупская волость — Караконская). Существенную роль в поддержании этой связи, особенно в ситуации преобладающего иноэтничного окружения, играли прямые добрососедские контакты людей — посещение территорий друг друга, встречи на пограничье и браки, фиксации которых мы уделим особое внимание на всех хронологических отрезках.

Согласно IV ревизской переписи, в 1763 г. тымские остяки на Вахе насчитывали 104 чел., носивших 14 фамилий (Ачины, Кайкалесовы, Кваликовы, Килдияровы, Кунины, Лемовы, Лепоновы, Манины, Монгины, Мычиковы, Пиалевы, Пинины, Синанкины и Черканчиковы). Для сравнения: количество ваховских хантов, состоявших в Лумпокольской и Салтыковской волостях, на этот год превышало их почти в два раза — 188 чел. [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И154, оп. 8, д. 44, л. 216–227 об., 285–296]. К началу XIX в. численность ваховских тымцев почти не изменилась (105 чел.)¹, но серьезной потерей стало сокращение числа родов до восьми. Исчезли фамилии Кваликовых, Килдияровых, Лемовых, Монгиных, Пиалевых, Синанкиных и Черканчиковых, при этом появились тымские остяки Каткалевы, происхождение которых требует уточнения, и один подворник с фамилией Киприн, известной на Тазу [ГАКК. Ф. 819, оп. 1, д. 91; ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156, оп. 4, д. 1492; Сирелиус, 2001, с. 218]. Нужно иметь в виду, что большинство исчезнувших родов уже в 1763 г. было крайне малочисленно и состояло из пожилых людей, а в круг брачных связей ваховских тымцев входили также селькупы р. Таз (9 % от общего числа браков на 1782 г.). Последние, вероятно, уже в этот период периодически задерживались в своих кочевьях на северных окраинах ваховского бассейна, итогом чего позднее станет фиксация их проживания на Вахе уже и в официальных документах. Одним из первых предвестников проникновения тазовских селькупов стало присутствие в исповедной росписи по Тымской волости фамилии Киприн.

Не будем забывать, что селькупы проживали на дальней окраине обитаемой территории по Ваху и особенно сконцентрированы — на его притоке Кулынигол, по которому пролегал путь сообщения с р. Таз. Их географическое положение, с одной стороны, способствовало некоторой обособленности, с другой — располагало к сохранению связей с сородичами в тазовском бассейне (рис. 2). Удаленное на восток от хантов проживание ваховских тымцев хорошо представлено в сказке священника Тазовской Николаевской церкви В. Никифорова за 1751 г. В составленном священником реестре местных поселений значилось 17 юрт тымских остяков, расположенных на основном русле Ваха и по его притокам — Кулынигол, Карлик, Кысьеган и Комсесеган: юрты Монга, Лепон, Исес, Калкалесовы, Кунины, Мычик, Синанкины, Полка, Адар, Корылские, Кагановы, Рыга, Усть-Камсеские, Нягины, Лукашины, Черканчиковы и Лема [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156, оп. 1, д. 1413, л. 1а–2 об.]. Характерно, что в данном списке не было ни одного селения с хантыйским наименованием. Большинство ойконимов связано с фамилиями ваховских тымцев либо с названиями рек. Кстати, целый ряд местных гидронимов, имеющих селькупское происхождение, в большинстве своем мало изменился с XVIII в. по настоящее время и хорошо очерчивает былые границы расселения группы на указанном Г.Ф. Миллером пространстве: Карлик, Кутырки и Копальки (притоки Ваха), Нюрлики, Польша и Рыка (притоки Кысьегана), Корлики (приток Кулынигола).

Общность селькупов из бассейнов Ваха и Таза подчеркивалась и на официальном уровне: к ним ходили единым маршрутом одни и те же сургутские сборщики ясака, а также священники, состоявшие в приходе Тазовской Николаевской церкви. Но, в отличие от тазовских остяков, ваховские тымцы практически не посещали Николаевскую церковь из-за ее большой удаленности [Там же]. Вероятнее всего, в этот период у ваховских селькупов совершенно не было или имелось крайне мало ездовых оленей. Подтверждением версии является, в частности, отсутствие

¹ Сведений о численности хантов Лумпокольской и Салтыковской волостей на 1800 г. найти не удалось.

сведений об использовании местных оленьих упряжек сборщиками ясака и священниками, тогда как описания их зимних переходов между Вахом и Тазом изобилуют информацией о тяготах пешего пути [Там же, оп. 4, д. 1687, л. 2 об. –3]. На это же указывает и жалоба 1753 г. самих тымцев Тобольскому митрополиту, что посещать Тазовскую церковь они физически не могут, ибо «туда ходить невозможно и в чужестранствии питаться будет нам нечем» [Там же, Ф. И156, оп. 1, д. 1413, л. 16]. В итоге в 1804 г. они были переведены в приход Ларьякской Знаменской церкви, которую сами начали посещать со времени открытия в 1772 г. [Там же, оп. 4, д. 1687, л. 11]. Таким образом, в конце XVIII в. принадлежность к одному приходу уже перестала быть связующим звеном для селькупов Ваха и Таза.

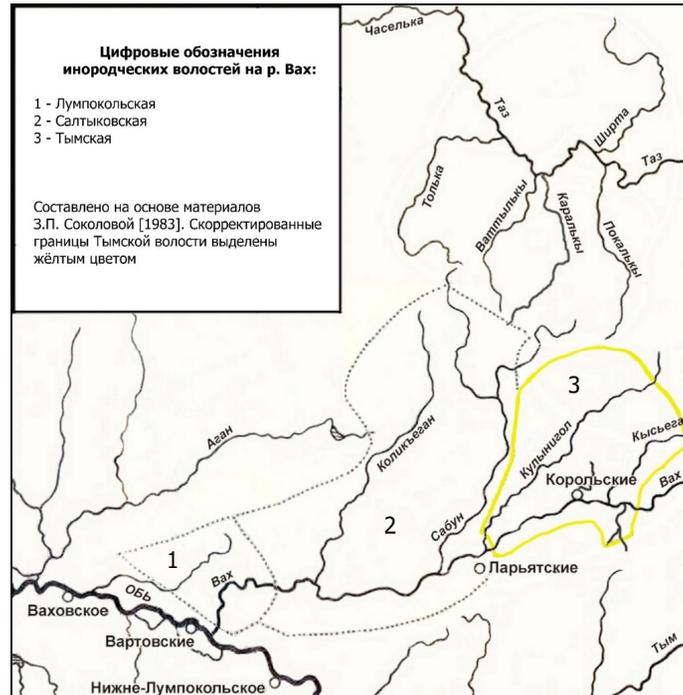

Рис. 2. Волости хантов и селькупов на р. Вах в конце XVIII в.

Fig. 2. Khanty and Selkup volosts on the Vakh River at the end of the 18th century.

1810–1910-е гг. В начале XIX в. разрыв общих связей официального характера продолжился: селькупские волости по Тыму и Тазу перешли в состав Туруханского округа Томской губернии, тогда как ваховские тымцы остались в составе Сургутского отделения. Процессы административного оформления этих изменений были существенно растянуты во времени. Так, опрос жителей Ваха о предпочтительном месте ясачной приписки проводился в 1807 г. [Там же. Ф. И329, оп. 13, д. 278, л. 10], а последнее причисление ваховских тымцев к Сургутскому отделению состоялось лишь в 1846 г. [ГАКК. Ф. 160, оп. 1, д. 164, л. 133–139]. Казалось бы завершённое дело 1804 г. о переводе тымцев из Тазовского прихода в Ларьякский получило юридические отголоски в 1822 г. И здесь есть важный для нас нюанс: среди лиц, причастных к пересмотру территориально-церковного перевода, оказался князец Тымско-Караконской волости на Тазу Егор Андреев. От последнего в Туруханский земский суд поступил рапорт с требованием «отобрания объяснений» от всех ясашных [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156, оп. 9, д. 2195, л. 7–9]. Тем самым селькупский лидер с р. Таз распространял свои властные полномочия на соплеменников Тымской волости, проживающих по Ваху, и, что показательно, те в итоге предъявленное требование исполнили. С большой вероятностью дело было затеяно с подачи третьих лиц и успеха оно не имело, но сам прецедент обращает на себя внимание.

Произошедшие изменения в церковной и административной сферах существенно сократили сообщение между бассейнами Ваха и Таза, но не прервали существовавшие контакты населения. Показательно, что общая численность и фамильный состав ваховских селькупов в этот период заметно прирастают. Их количество удваивается, сначала, к середине XIX в., достигнув отметки в 215 чел., а затем, в 1917 г., дойдя до показателя 407 чел. К упомянутым ранее родам

с 1819 г. добавляется около полусотни пришедших с Таза Пыгатовых [Там же. Ф. И154, оп. 8, д. 754; Ф. И706, оп. 1, д. 15; КУ ГАЮ. Ф. И1, оп. 2, дд. 6,8,9; Сирелиус, 2001, с. 219]. Если присоединившиеся чуть ранее Каткалевы полноправно вошли в состав тымцев и даже пользовались в качестве подписи тамгой в виде соболя (рис. 3), то правовое положение Пыгатовых было более сложным. Хотя в церковных записях они с 1830-х гг. фигурировали как «*остяки Тымской волости юрт Кульеганских*», по ревизским сказкам они оставались приписанными к Тымско-Караконской управе на Тазу [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И706, оп. 1, д. 12, л. 1–13; д. 18. л. 2–135 и др.]. С 1859 г. в верховьях Ваха на нелегальном положении поселяются тазовские селькупы-оленеводы, принадлежавшие к Караконской волости — Киприны, Карсавины, Сяхчины. В следующие 60 лет представители этой группы тесно контактировали с ваховскими тымцами, вступали несколько раз в совместные браки и числились среди прихожан Ларьякской церкви (правда, отдельным списком) [Адаев, Машарипова, 2023, с. 96; ГБУТО ГАТО. Ф. И255, оп. 1, дд. 101, 102, 104, 118, 123]. Церковные книги регистрируют периодическое посещение Ваха и другими тазовскими селькупками (Агичевыми, Каргачевыми, Сайготинными, Чекурминными) в 1850–1910-е гг. [Там же, д. 118, л. 12–14, 41 об., 52 и др.]. Сведения о жителях Тыма при этом не были отмечены ни разу. Выявлены единичные случаи 1860-х гг., когда записи о ваховских тымцах регистрировались в Тазовской церкви [ГАКК. Ф. 182, оп. 1, д. 35].

Однако в целом у ваховских тымцев к концу XIX в. уже существенно преобладали тесные контакты и браки с хантами Салтыковой и Лумпокольской волостей, соотношение численности которых и селькупов в 1917 г. превысило показатель 3:1 (1311:407). В этот период фиксируется уже взаимное проникновение на территорию друг друга: проживание отдельных хантыйских семей (Камины, Кахлянкины, Прасины) в селькупских селениях, а некоторых тымцев (Каткалевы, Кунины) — в юртах Салтыковой волости. Прямое хантыйское влияние прослеживается и в том, что к названию ряда тымских поселков стало добавляться слово *пугол* (хант. 'селение') [КУ ГАЮ. Ф. И 1, оп. 2, д. 6].

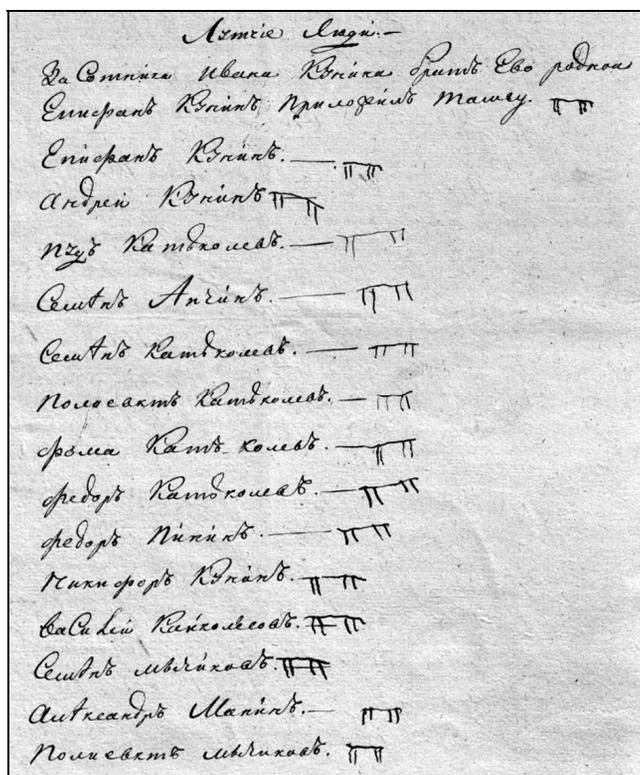

Рис. 3. Тамги лучших людей Тымской волости на Вахе, 1822 г. [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156, оп. 9, д. 2195, л. 4 об.].

Fig. 3. Tamgas of the elite members of the Tym volost on the Vakh River, 1822 [Tobolsk State Archives. Coll. И156, aids 9, fol. 2195, p. 231].

Показательно и то, что Тымская волость лишается в XIX в. собственной тамги. На документах первой половины века довольно часто встречается изображение тамги ваховских тымцев все в том

же образе соболя. Например, в 1822 г. *лучшие люди* волости поставили его в знак согласия со своим переводом из прихода Николаевской церкви на Тазу в приход Знаменской церкви на Вахе (рис. 3). Заметим, что в тот же период у тымских и караконских остяков на р. Таз бытовала другая тамга — в виде рисунка лука со стрелой [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И152, оп. 39, д. 131, л. 8]. Последнее по времени изображение тамги соболя у ваховских тымцев нами выявлено на документе 1843 г. [Там же, Ф. И706, оп. 1, д. 10, л. 6–6 об.], а уже в 1896 г. представители тех же тымских родов на Вахе изображали в качестве подписи стрелу — новую единую тамгу, введенную для них и хантов-соседей, относящихся к Лумпокольской волости [Там же, Ф. И255, оп. 1, д. 110, л. 15 об.].

К счастью, у нас есть несколько авторитетных источников, позволяющих объективно оценить, насколько происходящее сближение с хантами было сопряжено с утратой этнокультурных особенностей и идентичности ваховских селькупов.

Так, в 1845 г. известный лингвист М. Кастрен впервые со времен Г.Ф. Миллера отметил употребление двух разных языковых наречий у ваховских остяков. Информацию исследователь собирал со слов людей, бывавших на Вахе, и сопоставление данных в конце концов позволило ему сделать важнейший вывод о принадлежности части населения реки не к остякам, а к самоедам. Он также указывал, что *«слышал от многих и в разных местах»* о сношениях самоедов, живущих на Кульегане (приток Ваха), Тyme и Тазу, а также о том, что говорят они *«почти одним и тем же языком»* [1999, с. 65–66, 74, 97]. Летом следующего, 1846 г. во время поездки по Енисею исследователь сумел уточнить у имбатских остяков (кетов), что те одним названием *лаак* именовали самоедов, проживающих по Тазу и по притокам Ваха — Каралге (Корелке), Куль-Йогану и Сабуну [Там же, с. 177–178]. Схожие по содержанию сведения, но уже на 1899 г. представил финский этнограф У.Т. Сирелиус, который несколько месяцев работал в среднем течении Ваха. Со слов ваховских хантов он узнал, что их соседи, жители Кульегана, происходят с рек Тым и Таз. Итоговый вывод исследователя: *«Итак, они самоеды. Это подтверждается сообщением остяков Ларьяка о том, что они не понимают остяков Кульегана»* [2001, с. 252]. Кстати, и другой финский ученый, К. Доннер, встретил зимой 1913 г. в одном из поселков в верховьях Кулынигола старика, понимавшего *«язык самоедов»* [1926, с. 105], т.е. селькупский.

Наконец, наиболее полная информация была сообщена краеведом Г.М. Дмитриевым-Садовниковым по результатам его беседы с ларьятским остяком (хантом), состоявшейся в 1912 г. Он узнал, что в верховьях Ваха (юртах Карольских) *«и сейчас живет»* некое племя, чьи сородичи обитают в верховьях Таза и которое *«причисляется к остякам, но это — не остяки»*. Это племя было на Вахе еще до прихода хантов, *«как и остяки, было безоленно»* и отличалось своим языком (*«грубый гортанный выговор, несколько не похож на остяцкий»*) и особенностями телосложения (*«тип его — не тип остяка: большинство стройны, горбоносые»*), со временем оно подверглось влиянию остяков и усвоило их язык [Дмитриев-Садовников, 1915, с. 12–13].

Итак, по следующему историческому периоду нам снова представлены свидетельства, что тымские селькупы не утратили свой язык (хотя и одновременно владеют хантыйским), и в глазах соседних хантов и кетов они по-прежнему являются отдельным народом, расселенным также на Тазу и Тyme. Все это — несмотря на интенсивное смешение с многократно превосходящими их по численности ваховскими хантами и удаленность от других своих соплеменников. На наш взгляд, главными факторами сохранения идентичности ваховских селькупов со второй половины XIX в. становятся некоторые особенности их хозяйственного комплекса и высокий статус групповой элиты в рамках обширной территории, включающей соседствующие с Вахом бассейны рек.

Характер расселения ваховских селькупов во многом наложил отпечаток на их систему традиционного хозяйства, заметно отличавшуюся от соседей-хантов. Жизнеобеспечение последних, проживавших в низовьях Ваха, опиралось прежде всего на рыбную ловлю, имевшую в том числе товарное значение, с существенной долей охотничьего промысла (белка, заяц, водоплавающая и боровая птица, копытные), в отдельные годы — кедрового промысла, у некоторых семей — с содержанием незначительного поголовья домашних оленей, а ближе к XX в. — лошадей. Угодья селькупов в среднем и верхнем течении Ваха, а также по руслу его крупного правого притока — Кулынигола гораздо лучше отвечали потребностям охотничьего промысла (причем его наиболее приоритетных направлений: добычи копытных и ценных видов пушного зверя — соболь, бобр, лиса, белка) и оленеводства (в особенности в верховьях р. Кулынигол и на прилегающих водораздельных территориях). Причем успешность охотничьей отрасли во многом базировалась на возможностях транспортного использования оленей. Рыболовство хотя и составляло весомую долю хозяйственного комплекса, но служило только для собственного потребления и существенно усту-

Этнография селькупов: об этнической идентичности тымских остяков на р. Вах в XVIII–XX вв.

пало по объему добычи, качеству улова и отводившемуся на эту хозяйственную отрасль времени в течение года. Данная характеристика занятий населения ваховского бассейна имеет отношение ко всему анализируемому периоду истории, хотя базируется на материалах относительно поздних исследований А.А. Дунина-Горкавича в 1899–1900 гг. [1996, с. 31–68], томских специалистов по оленеводству П.А. Иванова [ОГКУ ГАТО. Ф. Р467, оп. 1, д. 8, л. 2–7] и Л.П. Пудовиковой [1931] в 1928 г., сделавших подробное описание физико-географических условий Ваха, доступных природных ресурсов и особенностей их добычи и потребления местными жителями.

Выше уже отмечалось, что до первой половины XIX в. ваховские тымцы, скорее всего, могли содержать лишь незначительное поголовье оленей. Толчком к последующему бурному развитию оленеводческого хозяйства могло послужить прибытие в пределы Тымской волости группы тазовских селькупов под предводительством Моисея Киприна в 1850-е гг. Это были богатые оленеводы, которые вынужденно откочевали в северные угодья ваховских тымцев, опасаясь несправедливого преследования [Адаев, Машарипова, 1923, с. 96]. В верховьях Кулынигола проживал старшина Тымской волости Иван Кунин — судя по всему, третий подряд представитель этого рода, возглавляющий волость (см.: [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156, оп. 9, д. 2195, л. 4 об.]). Уже спустя несколько десятилетий Иван Кунин приобретает славу владельца оленьего стада в несколько тысяч голов и обоснует свое поселение в верховьях тазовского притока Тольки, где были хорошие пастбища и охотничьи угодья [Скалон, 1930, с. 130–131; ОГКУ ГАТО. Ф. Р467, оп. 1, д. 8, л. 6 об., 7]. Еще большего богатства и общественного влияния добьется его сын Ефим (Шата), пик успеха которого придется на советский период.

1920–1930-е гг. Рубежами данного периода являются начало советских преобразований в бассейне Ваха и события, способствовавшие быстрой ассимиляции местных селькупов.

На начальном этапе советской власти регион окончательно утратил инородческую волостную структуру и несколько раз менял административное подчинение и название, одним из вариантов которого был «Ларьяцкий остяцкий туземный район». Существенных вмешательств в устоявшийся жизненный уклад населения в 1920-е гг. почти не происходило. На повестке были в основном проблемы кооперирования и снабжения населения, организации медицинского обслуживания и агитационной работы. Кроме того, власть проявила беспрецедентное внимание к изучению коренных народов северных окраин. Наряду с вопросами экономики и быта исследователи уточняли родовую и этническую принадлежность, численность и территорию проживания населения. Благодаря этому относительно данного периода мы располагаем значительным количеством данных, свидетельствующих о сохранении этнолокальной группы ваховских селькупов.

В 1921–1922 г. бассейн р. Таз посетила этнограф Л.Н. Доброва-Ядринцева и зарегистрировала в верховьях Тольки несколько семей переселенцев с Ваха в количестве 58 чел. Показательно, что она определила их в качестве селькупов, а не хантов. Причем исследователь впервые употребила этноним, предложенный в свое время М.А. Кастреном, назвав их «*остяко-самоеды Лариатской управы*» [1925, с. 9, 12]. В 1925 г. в рамках масштабной этнографической экспедиции по Нижнему и Среднему Приобью на Вахе побывал Г.А. Старцев, занимавшийся сбором материалов по хантам. В силу интенсивного графика работы он не до конца разобрался с местными нюансами употребления термина «остяк» и включил в число угорского населения всех остяков Ваха и Таза. Тем не менее ему тоже удалось собрать некоторые ценные для нас данные о ваховских селькупах. Он отметил существовавшие контакты между жителями двух бассейнов: периодические браки ваховских остяков с тазовскими [1926, с. 218] — и что «*остяки, живущие в верховьях р. Вах*», иногда закупают оленей у тазовских [1928, с. 20].

Летом следующего года поездку по р. Вах совершил этнограф М.Б. Шатилов, который тоже не заметил присутствия селькупов среди ваховских остяков, и этому есть объяснение. Исследователь за недостатком времени не успел посетить основное место жительства тымских остяков — р. Кулынигол. При этом он привел сведения местного райисполкома о «ваховских остяках» в количестве 172 чел., *кочующих временно по притокам Таза и Енисейской тайге* [2000, с. 1, 35–36]. В 1928 г. томский ветеринар П.А. Иванов, занимавшийся оценкой состояния ваховского оленеводства, переписал составленный администрацией Ваховского района поселковый список местного населения, который включал красноречивую запись: «[юрты] *Кул-Еганские (самоеды)*» [ОГКУ ГАТО. Ф. Р467, оп. 1, д. 8, л. 8 об.]. Любопытно, что ветеринар, общавшийся по работе и с лесными ненцами, совершенно неожиданно для неспециалиста довольно точно определил «*туземцев Ваховского района*» как «*остяков или, вернее, остяко-самоедов*» [Там же, л. 2].

Крайне важна информация о ваховских селькупках, представленная этнографом Е.Д. Прокофьевой. По материалам собственных полевых исследований на р. Тым в 1933 г., она писала, что местное селькупское население знало о проживавших «до недавнего времени» на Вахе соплеменниках и даже поддерживало с ними связь [Прокофьева, 1952, с. 92]. С большой вероятностью можно предполагать, что речь шла о событиях не ранее первых десятилетий XX в. Кроме того, со слов Е.Д. Прокофьевой, этнографу и лингвисту Н.К. Каргеру удалось зафиксировать в своей экспедиции самоназвание ваховских селькупов *соль куп* и установить, что они говорили на диалекте, имеющем сходство с селькупскими диалектами верхнего Тыма и Таза [Там же]. Материалы Н.К. Каргера, очевидно, связаны примерно с тем же отрезком XX в., так как могли быть собраны лишь в 1928–1929 гг., когда исследователь работал среди кетов Туруханского района. Таким образом, мы вновь получаем целый ряд свидетельств сохранения важных признаков идентичности ваховских селькупов, но в основном это касается жителей Кулынигола, часть из которых кочевала в верховьях Тольки.

Последнее уточнение не случайно, так как в междуречье Кулынигола, Сабуна, Пура и Тольки после смерти отца продолжал жить Ефим Кунин, получивший прозвище Шата (Шатин). В 1920–1930-е гг. он считался самым богатым и влиятельным человеком в районе Ваха, Таза и Верхнего Пура. Имел непререкаемый авторитет среди местных жителей, охотно ссуживал нуждающихся оленями и товарами. За его большим стадом, насчитывавшим по слухам от 800 до 5000 голов, присматривали родственники и наемные пастухи (в качестве них скорее всего выступали ваховские селькупы Каткалевы и ханты Каминь) [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156, оп. 15, д. 92, л. 286 об.; Скалон, 1930, с. 137–139; Судьбы народов..., 1994, с. 199–203].

Именно кочующая группа Е.И. Кунина являлась главным оплотом сохранения селькупского языка и культуры в бассейне Ваха. Охотовед В.Н. Скалон в 1929 г. был свидетелем, что представители группы свободно говорили между собой на «остяко-самоедском» языке, а молодежь и вовсе не знала хантыйского. Так как охотовед был уверен, что имел дело с ваховскими хантами, то выдвинул ложную версию, что селькупский мог быть усвоен ими из-за длительного общения с жителями Таза [1930, с. 131]. Группа Шаты, по сути, оставалась тем ориентиром, который поддерживал консолидацию всех ваховских селькупов: их лидер был самым богатым и уважаемым человеком в бассейне Ваха, его неписанным хозяином.

По понятным причинам Е.И. Кунин был определен органами советской власти в качестве опасного классового врага. Несмотря на поддержку местных жителей и отказ давать против него показания, в 1933 г. он был арестован и приговорен к спецссылке, из которой уже не вернулся. Часть связанных с ним людей бежала из опасения преследований [Патранова, 2001]. Последующие решения местных властей по коллективизации, регулированию хозяйственной деятельности и расселения жителей Ваха уже естественным путем способствовали быстрому растворению селькупов среди хантыйского населения. Однако формальное «закрытие вопроса» с ваховскими самоедами/остяко-самоедами произошло гораздо раньше. Несмотря на уже вошедшее в местные документы употребление специальных этнонимов для обозначения селькупов, начиная с 1936 г. в статистических сведениях по территории р. Вах никаких данных о других народах Севера, кроме хантов, уже не встречалось (см.: [Миронычев, Алексева, 2017, с. 52–53]).

Тем не менее тымские остяки не ушли в прошлое бесследно. Часть семей Куниных, Каткалевых и хантов Каминь так и осталась жить в верховьях Тольки. В 1969 г. этнограф В.И. Васильев встретил несколько семейств Каткалевых, переселившихся на соседний Пур и живших в окружении ненцев. Однако, по заключению исследователя, влияние последних «*мало затронуло этническую и языковую специфику селькупов этой группы*» [Васильев, 1985, с. 84]. Наконец, в недавнем блестящем исследовании О.Б. Степановой, касающемся этнической идентичности населения верховьев р. Толька, было убедительно доказано, что считать его «*наполовину хантами*» или селькупками, имеющими хантыйское происхождение, — заблуждение, *верхнетолькинцы являются селькупками и всегда ими оставались*» [2023, с. 566].

Заключение

Представленный анализ показывает, что на отрезке истории с 1740 по 1930 г. в бассейне р. Вах существовала локальная группа селькупов, устойчиво сохранявшая свою идентичность несмотря на постоянное соседство и смешение с хантыйским населением. Распространенная позиция, что связанная с этой группой Тымская инородческая волость на Вахе уже в XVII или XVIII в. была преимущественно хантыйской по составу, является неверной. Существенное смешение селькупов с соседями происходило практически на всех территориях их проживания

Этнография селькупов: об этнической идентичности тымских остяков на р. Вах в XVIII–XX вв.

от Нарымского Приобья до Таза и Турухана. По сути, многочисленные межэтнические браки стали для них своеобразной нормой. В поддержании контактов с соплеменниками за пределами Ваха определяющее значение имели связи с жителями Таза.

В сохранении идентичности этнолокальной общности весомую роль сыграли: принадлежность к отдельной волости; обособленное проживание на окраинной территории близ путей сообщения с селькупками других речных бассейнов; длительное поддержание контактов и брачных связей с соседними селькупками (главным образом тазовскими); стабильность или рост численности; сохранение консолидированного состояния группы; существенная специфика хозяйственного комплекса и его экономическая эффективность; сохранение исторической памяти о своем происхождении, как у ваховских селькупов, так и у хантов; высокий региональный статус элиты (в конце XIX — начале XX в.).

На заключительном этапе существования группы наиболее критическое значение для запуска процессов ассимиляции имели отмена отдельной волостной принадлежности и ее атрибутов, подрыв статуса и уничтожение представителей групповой элиты, потеря специфики хозяйственного комплекса.

Выраженная долговременная связь ваховских тымцев именно с соплеменниками из тазовского, а не тымского бассейна (непрекращавшиеся брачные контакты и взаимные посещения; включение ваховцами родовых групп с Таза в свой состав и позволение пользоваться своими угодьями; зафиксированное Н.К. Каргером у ваховцев типичного для жителей Таза самоназвания *соль куп* и др.) позволяет говорить о их большей историко-культурной близости с северными селькупками.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаев В.Н., Машарипова А.Х.* Между реками Вах и Таз: К истории формирования северных селькупов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 3. С. 90–101. <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2023-3-90-101>
- Васильев В.И.* Особенности развития этнических и языковых процессов в этноконтактных зонах Европейского Севера и Северной Сибири (по материалам этнографического обследования северосамодийских народов: ненцев, энцев и нганасан // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука, 1985. С. 65–93.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.
- Головнев А.В.* Этничность: Устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // ЭО. 2012. № 2. С. 3–12.
- Дмитриев-Садовников Г.* На Вахе // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Вып. XXVI. С. 1–15.
- Доброва-Ядринцева Л.Н.* Туземцы Туруханского края: Опыт исследования экономического положения. Новоиколаевск: Изд. Сибревкома, 1925. 82 с.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды ИЭ. М.: АН СССР, 1960. Т. 55. 662 с.
- Доннер К.* У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 276 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерия, 1995. 281 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерия, 1996. 432 с.
- Кастрен М.А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849 гг.). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
- Корусенко С.Н., Марганова Ф.Ф.* Волость как инструмент сохранения идентичности группы (на примере сибирских бухарцев) // Вестник Омского ун-та. Сер. Ист. науки. 2016. № 2. С. 196–206.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв.: Этнографические очерки. Тюмень: Мандр и Ка, 2006. 208 с.
- Лебедев В.В.* К вопросу о брачно-родственных связях тазовских селькупов // Полевые исследования ИЭ. 1976. М.: Наука, 1978. С. 68–78.
- Лебедев В.В., Соколова З.П.* Селькупы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 118–129.
- Мартынова Е.П.* Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. 236 с.
- Мартынова Е.П.* Этническая идентичность у обских угров: этнокультурные ценности и прагматизм // Этнокультурная идентичность: Феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков. СПб., 2020. С. 239–243.
- Миropyчев С.В., Алексеева Л.В.* Об изменении национального состава Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939–1945) // Северный регион: Наука, образование, культура. 2017. № 2. С. 51–54.
- Патранова В.В.* Царь вся тайги // Новости Югры. 2001. № 8. 20 янв.

- Пелих Г.И.* Селькупы XVII века: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, 1981. 177 с.
- Пивнева Е.А.* «Мы одни, но мы все разные»: Об обских уграх, классификациях и идентичностях // УИВ. 2011. № 2. С. 57–62.
- Пика А.И.* Традиционная социальная структура // Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск: Исеть, 1992. С. 28–35.
- Прокофьева Е.Д.* К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сиб. этногр. сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. С. 88–107.
- Пудовикова Л.П.* Оленные пастбища р. Ваха // Материалы по изучению Сибири. Томск, Т. 3. 1931. С. 49–75.
- Северо-Западная Сибирь* в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / Пер. и подгот. текста А.Х. Элрета. Екатеринбург: Волот, 2006. 416 с.
- Сибирь XVIII в.* в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Вып. VI / Подгот. текста А.Х. Элрета. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
- Сирелиус У.Т.* Путешествие к хантам. Томск: ИТУ, 2001. 342 с.
- Скалон В.* В тундре верхнего Таза // Сов. север. 1930. № 3. С. 129–139.
- Соколова З.П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 326 с.
- Соколова З.П.* Этничность: и конструкция, и реальность // ЭО. 2012. № 2. С. 19–26.
- Соколова З.П.* Этнограф в поле: Западная Сибирь. 1950–1980-е годы. Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016. 942 с.
- Старцев Г.А.* Некоторые данные о браке и свадьбе остяков // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю СССР. Л., 1926. С. 218–224.
- Старцев Г.А.* Остяки: Социально-этнографический очерк. Л.: Прибой, 1928. 152 с.
- Степанова О.Б.* О хантыйском компоненте в этническом составе северных селькупов // Вестник угро-ведения. 2023. № 3. С. 560–569. <http://dx.doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-3-560-569>
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера* (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941): Сборник документов / Сост.: Н.Д. Радченко, М.А. Смирнова. Тюмень, 1994. 320 с.
- Шатилов М.Б.* Ваховские остяки (этнографические очерки). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 285 с.
- Якобий А.И.* Страна реки Ваха, общее заключение и основная мера помощи // Тобольские губернские ведомости. 1895. 9 июля (№ 54). С. 911–913; 13 июля (№ 55). С. 927–930.
- Barth F.* Introduction // Ethnic groups and boundaries. The social organization of cultural difference. Boston: Little, Brown and Company, 1969. P. 9–38.

ИСТОЧНИКИ

- ГАКК — Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 1. Д. 164; Ф. 182. Оп. 1. Д. 35; Ф. 819. Оп. 1. Д. 91.
- ГБУТО ГА в г. Тобольске — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске». Ф. И152. Оп. 39. Д. 131; Ф. И154. Оп. 8. ДД. 44, 754, 994; Ф. И156. Оп. 1. Д. 1413; Оп. 3. Д. 2346; Оп. 4. Д. 1492, 1687; Оп. 9. Д. 2195; Оп. 15. Д. 92; Ф. И255. Оп. 1. Д. 110; Ф. И329. Оп. 13. Д. 278; Ф. И706. Оп. 1. Д. 10, 12, 15, 18.
- ГБУТО ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области. Ф. И255. Оп. 1. ДД. 101, 102, 104, 118, 123
- КУ ГАЮ — Казенное учреждение «Государственный архив Югры». Ф. И1. Оп. 2. Д. 6, 8, 9.
- ОГКУ ГАТО — Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Томской области. Ф. Р467. Оп. 1. Д. 8.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Стб. 501.

Adaev V.N. *, Masharipova A.Kh.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Cherishchevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru (Adaev V.N.); esenewka@yandex.ru (Masharipova A.Kh.)

Ethnography of the Selkups: on the ethnic identity of the Tym Ostyaks on the Vakh River in the 18th–20th centuries

The article, based on the analysis of published sources and archival documents, details the chronology and circumstances of the complete loss of ethnic identity by the Vakh Selkups, determines its main markers and supporting factors. The popular point of view, that representatives of the Tysmk foreign volost on the Vakh River were mainly Khanty people already since the 17th or 18th century, is disputed. Three historical stages of the group's existence are considered one by one, for each of which the key events determining the fate of the ethnic community are established, and information confirming the preservation of various parameters of its identity is revealed. It has been found that the long-term preservation of the identity of the Vakh Selkups (until the 1930s) was largely

* Corresponding author.

Этнография селькупов: об этнической идентичности тымских остяков на р. Вах в XVIII–XX вв.

based on their belonging to a separate volost, their isolated residence, maintaining contacts with neighboring Selkups, stable numbers and a consolidated state of the group, significant specifics of their economic complex, preservation of historical memory and the high social status of representatives of their elite.

Keywords: ethnography of Western Siberia, ethnicity, Northern Selkups, Tymskaya volost, Vakh Khanty, Tamgas.

Funding. This research has been supported by the state task of Tyumen Scientific Centre SB RAS No. FWRZ-2021-0006.

REFERENCES

- Adaev, V.N., Masharipova, A.Kh. (2003). Between the Vakh and Taz river: On the origin of the of northern Selkups. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 41(3), 90–101. (Rus.). <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2023-3-90-101>
- Barth, F. (1969). Introduction. In: *Ethnic groups and boundaries. The social organization of cultural difference*. Boston: Little, Brown and Company, 9–38.
- Castren, M.A. (1999). *Works: In 2 vol. Vol. 2: Travel to Siberia (1845–1849)*. Tyumen: Izdatel'stvo Yu. Mandriki. (Rus.).
- Dmitriyev-Sadovnikov, G.M. (1915). On the Vakh River. *Yezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*, (24), 1–15. (Rus.).
- Dobrova-Yadrintseva, L.N. (1925). *Natives of the Turukhansk region: An experiment in studying the economic situation*. Novonikolayevsk: Izdaniye Sibrevkoma. (Rus.).
- Dolgikh, B.O. (1960). The clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century. In: *Trudy Instituta etnografii. T. 55*. Moscow: AN SSSR. (Rus.).
- Donner, K. (2008). *Among the Samoyed in Siberia*. Tomsk: Veter. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich, A.A. (1995). *The Tobolsk North: In 3 vol. Vol. 1: A general overview of the country, its natural wealth and economic activities of the population*. Moscow: Liberea. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich, A.A. (1996). *The Tobolsk North: In 3 vol. Vol. 2: Geographic and statistical-economic description of certain regions*. Moscow: Liberea. (Rus.).
- Elert, A.Kh. (Comp.) (2006). *Northwestern Siberia in expeditionary works and materials of G.F. Müller*. Yekaterinburg: Volot. (Rus.).
- Elert, A.Kh. (Comp.) (1996). *Siberia of the 18th century in travel descriptions by G.F. Miller. History of Siberia. Primary sources. Is. 4*. Novosibirsk: Sibirskij khronograf. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (1995). *Talking cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (2012). Ethnicity: Sustainability and changeability (the case of the North). *Etnograficheskoye obozreniye*, (2), 3–12. (Rus.).
- Jacobi, A.I. (1895). The country of the Vakh River, general conclusion and basic measure of assistance. *Tobol'skiye gubernskiy vedomosti*, (54), 911–913; (55), 927–930. (Rus.).
- Korusenko, S.N., Marganova, F.F. (2016). The volost (district) as a tool of preserving the identity of a group (on the example of Siberian Boukhartsy). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskiye nauki*, (2), 196–206. (Rus.).
- Kulemzin, V.M., Lukina, N.V. (2006). *Vasyugan-Vakh Khanty at the end of 19th — beginning of 20th centuries: Ethnographic essays*. Tyumen: Mandri^{ka}. (Rus.).
- Lebedev, V.V. (1978). On the issue of marital and family ties of the Taz Selkups. In: *Polevyeye issledovaniya Instituta etnografii. 1976*. Moscow: Nauka, 68–78. (Rus.).
- Lebedev, V.V., Sokolova, Z.P. (1982). Selkups. In: *Etnicheskaya istoriya narodov Severa*. Moscow: Nauka, 118–129. (Rus.).
- Martynova, E.P. (1998). *Essays on the history and culture of the Khanty*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Martynova, E.P. (2020). Ethnic identity among the Ob Ugrians: Ethnocultural values and pragmatism. In: *Etnokul'turnaya identichnost': Fenomenologiya i variativnost' v kontekstakh istorii XIX–XXI vekov*. St. Petersburg, 239–243. (Rus.).
- Mironychev, S.V., Alekseeva, L.V. (2017). On the change in the national composition of the Laryak district of the Khanty-Mansiysk national okrug during the Second World War (1939–1945). *Severnyy region: nauka, obrazovaniye, kul'tura*, (2), 51–54. (Rus.).
- Patranova, V.V. (2001). The tsar of all taiga. *Novosti Yugry*, (8). (Rus.).
- Pelikh, G.I. (1981). *Selkups of the 17th century: Essays on socio-economic history*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Pika, A.I. (1992). Traditional social structure. In: *Severnaya Sos'va (istoricheskiye i sovremennyye problemy razvitiya korennogo naseleniya)*. Shadrinsk: Iset', 28–35. (Rus.).
- Pivneva, E.A. (2011). "It's the same us, but we are all different": About the Ob Ugrians, classifications and identities. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (2), 57–62. (Rus.).
- Prokofieva, E.D. (1952). On the issue of social organization of the Selkups (clan and phratry). In: *Sibirskiy etnograficheskij sbornik. T. I*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 88–107. (Rus.).
- Pudovikova, L.P. (1931). Reindeer pastures of the Vakh River. In: *Materialy poizucheniya Sibiri. T. 3*. Tomsk, 49–75. (Rus.).

- Radchenko, N.D., Smirnova M.A. (Comp.) (1994). *Fates of the peoples of the Ob-Irtysh North (From the history of national-state construction. 1822–1941): Collection of documents*. Tyumen. (Rus.).
- Shatilov, M.B. (2000). *The Vakh Ostyaks (ethnographic essays)*. Tyumen: Izdatel'stvo Yu. Mandriki. (Rus.).
- Sirelius, U.T. (2001). *Journey to the Khanty. Translated from German by N.V. Lukina*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Skalon, V. (1930). In the Upper Taz tundra. *Sovetskiy sever*, (3), 129–139. (Rus.).
- Sokolova, Z.P. (1983). *Social organization of the Khanty and Mansi in the 18th–19th centuries: Issues of phratry and clan*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Sokolova, Z.P. (2012). Ethnicity: Both a construction and a reality. *Etnograficheskoye obozreniye*, (2), 19–26. (Rus.).
- Sokolova, Z.P. (2016). *Ethnographer in the field: Western Siberia. 1950s–1980s: Field materials, scientific reports and briefs*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Startsev, G.A. (1926). Some data on marriage and wedding of the Ostyaks. In: *Materialy po svad'be i semeyno-rodovomu stroyu SSSR*. Leningrad, 218–224. (Rus.).
- Startsev, G.A. (1928). *Ostyaks: A social-ethnographic essay*. Leningrad: Priboy. (Rus.).
- Stepanova, O.B. (2023). About the Khanty component in the ethnic composition of the Northern Selkup people. *Vestnik ugrovedeniya*, (3), 560–569. (Rus.). <http://dx.doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-3-560-569>
- Vasil'yev, V.I. (1985). Features of the development of ethnic and linguistic processes in the ethnocontact zones of the European North and Northern Siberia (based on the materials of the ethnographic survey of the Northern Samoyedic peoples: Nenets, Enets and Nganasans. In: *Etnokul'turnyye protsessy v regionakh Sibiri i Severa*. Moscow: Nauka, 65–93. (Rus.).

Адаев В.Н., <https://orcid.org/0000-0001-7355-2007>

Машарипова А.Х., <https://orcid.org/0000-0003-4374-1151>

Сведения об авторах:

Адаев Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Машарипова Анжела Хайрулловна, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors:

Adaev, V.N., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Masharipova, A.Kh., Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.10.2024

Article is published: 15.12.2024